

Тереза ДУРОВА:

Известия, -2001-
Н.Нов.-с, 12

У МЕНЯ ВСЕ ДНИ

ТОЛЬКО СЧАСТЛИВЫЕ

Наиболее любимое и посещаемое место в новогодние дни — цирк. И хотя каникулы всегда рано или поздно заканчиваются, цирк не кончается никогда. Потому что цирк — это жизнь, и особенно для тех, кто каждый день выходит на арену. Знаменитая дрессировщица Тереза ДУРОВА на арену выезжает в коляске, запряженной пони, — этот путь ей сложно пройти самой. Но весь вечер на арене движется так легко и грациозно, что никто и не догадывается, как это ей удается.

— Тереза Васильевна, когда мы с вами договаривались о встрече, вы с каким-то особым выражением сказали: «Я живу в цирке». Это как понимать?

— Даже когда я приезжаю за границу, там знают, что мадам Дурова не живет в фешенебельных гостиницах. Только рядом с конюшней, рядом с животными. Потому что иначе нельзя. Животные ведь те же дети. Которые и балуются, и скучают, и капризничают. Мама должна быть рядом. А то такое сотворят... Как-то прибегают ко мне ночью: «Тереза Васильевна, пар идет из слоновника!» Не захотели мои девочки спать, начали играть, сломали батареи. Пошел кипятилок — слонихи в панике. Вывели их на манеж, вызвали аварийку. А если б меня не было?

— Говорят, Пермь вам не чужой город?

— А какой город мне чужой? Да, я девочкой училась здесь в школе в Мотовилихе. Недолго. Месяц-полтора. Цирк тогда еще был деревянный. Это было во время войны. После войны приехала сюда со своим аттракционом. Тут уже стояла передвижка — шапито. А вообще, я заканчивала десятилетку во всех городах Советского Союза, переезжая с места на место. В Саратове училась в 4-м, 7-м и 9-м классах. И все в одном и том же классе, в одной и той же школе. Приезжала, а мне: «Вот, Тереза, твое место, вот твоя парта, в прошлый раз ты здесь же сидела».

— Характеры людей не напоминают вам характеры животных?

— Ну как не напоминают! Но я вам другое скажу. Если бы люди обладали такими же чувствами, как животные! Преданность, доброта, безграничная любовь! Если бы люди больше общались с животными, больше соприкасались с ними, сколько прекрасного можно у них почерпнуть. Я просто плаваю в этой ауре... Вот я сижу перед вами вся изломанная. Позвоночник — в трех местах. Руки. Ключица. Травма черепа. Одиннадцать ребер поломано. У меня нет коленной чашечки — медведь откусил. Когда врачи говорили, что ходить, мол, все равно не сможете (мне хотели ампутировать ногу), я сказала: «А я хочу ходить и буду ходить». Когда позвоночник был сломан и врачи мне сказали, что я буду прикована к постели или к креслу, я сказала: «Я все равно пойду!» Когда в прошлом году мне присвоили вторую группу инвалидности без права работы, я подняла такой тарарам! Я сказала: «Как без права работы? Я не могу без работы». И тогда они мне дали бумажечку, где на одной стороне написано: «Без права работы», а на обороте: «Разре-

шается работать в специально созданных условиях». Это антре! Это клоунада цирковая! Что меня, в железной клетке вывозить? Ну, я вам покажу.

— Правда, что вы до недавнего времени работали почти вслепую?

— Правда. Правым глазом уже вообще не видела. И левый стал отказывать. Так что только очертания различала. И во Франции, и в Германии, и у Святослава Федорова сказали, что ничего сделать нельзя. Мы с мужем знали, что с цирком уже надо заканчивать. Я потихоньку начала дома тренироваться. Тушила свет и репетировала, как быть слепой. И вот оказалась на гастролях в Уфе. А там мне сказали: такой хирург есть, офтальмолог — ну просто Копперфильд в своей области. Мулдашев Эрнст Рифгатович. Он посмотрел меня и сказал: «Через несколько дней будет полная слепота» Я ответила: «Я знаю». И вот Мулдашев взялся оперировать правый глаз, который уже давно ничего не видел. Операция шла около трех часов под местной анестезией... А на следующий день я была на арене. Билеты-то уже проданы. Приезжаю: на меня как на ненормальную смотрят. «Молчать, — говорю. — Все, я иду в манеж». Прежде всего извинилась перед зрителями: глаз кровавый и шов вот так, на щеке еще зеленка не сошла — стирать больно. Рассказала про операцию. Вы бы посмотрели, что творилось с людьми: они кричали, буквально скандировали: «Мулдашев — Дурова! Мулдашев — Дурова!»

А назавтра он мне уже оперировал второй глаз. Теперь я вижу двумя глазами. Только еще не научилась читать. Но я уже выяснила, что из Перми есть автобус до Уфы. Я отправляю своих животных в следующий город, а сама еду к нему, он мне подрезает чуть-чуть глазки и делает подпитку. Он возвращает мне зрение, чтобы я могла и читать, и писать.

— Ваши травмы, когда вы выходите на арену...

— Я забываю о них моментально. Сейчас, когда с вами говорю, помню, ходить тяжело, а там... не до того.

— Тереза Васильевна, вы вообще когда-нибудь отдыхаете?

— Мне 75 лет...

— Не верю!..

— И я никогда не отдыхаю. А чтобы днем прилечь поспать — да ни за что! Жизнь настолько коротка и настолько хороша, что я не могу воровать у себя дни и часы. Мы ложимся очень поздно и очень рано встаем. В шесть часов мы уже на ногах. Отдых — это не для меня.

Андрей НИКИТИН, Пермь